

Связанного Сюэ Шу доставили в Восточный дворец.

Восточный дворец, также известный как дворец Цыцин, располагался к северу от трех ворот за вратами Дунхуа. Этот комплекс из трех дворов издавна служил резиденцией наследных принцев Великой Янь. Инь Чэньюй переехал сюда в семь лет, сразу после провозглашения наследником престола, и с тех пор жил один.

За десять минувших лет дворец Цыцин превратился в неприступную крепость, так что теперь можно было действовать открыто, не таясь. Инь Чэньюй неспешно занял свое место в главном зале. Юные евнухи подали свежий горячий чай, и он, взяв чашку, стал молча пить, опустив глаза.

Вскоре в зал ввели Сюэ Шу, спеленутого, словно цзунцзы¹, и заставили опуститься на колени посреди зала.

Инь Чэньюй, не поднимая головы, рассматривал его.

Сейчас Сюэ Шу был всего лишь юношей семнадцати-восемнадцати лет — высокий, худой, с четкими, резкими чертами лица, в которых еще сквозила юношеская незрелость. Эта незрелость странно сочеталась со свирепостью во взгляде, делая его похожим на волчонка-одиночку, только что вышедшего из лесной чащи.

Яростный, но еще не способный внушить настоящий страх.

Инь Чэньюй невольно вспомнил их первую встречу в прошлой жизни.

Тогда император Лунфэн, уже состарившись, увлекся поисками бессмертия, проводил время в даосских храмах, вопрошая святых мужей о вечной жизни, и совершенно забросил государственные дела. Сюэ Шу же, отличившись при спасении императора, завоевал его безграничное доверие и фактически управлял всеми делами двора. Не только сановники из Кабинета министров и придворные, но даже императорские наложницы и принцы искали его расположения.

Узнав, что Сюэ Шу будет сопровождать императора Лунфэна к гробницам предков, Инь Чэньюй начал искать способ встретиться с ним. Он готов был заплатить любую цену, лишь бы Сюэ Шу помог ему вернуться ко двору.

Сюэ Шу действительно помог. Вот только ценой стал он сам.

Наследный принц помнил, как странно посмотрел на него Сюэ Шу, выслушав предложение. Взгляд его был хищным и жестоким — так смотрит волк-одиночка, выбравший добычу.

— Любое условие? — спросил он тогда.

Инь Чэньюй почувствовал опасность, но пути назад уже не было.

Он кивнул.

Сюэ Шу тут же усмехнулся, наклонился, схватил его за подбородок и безжалостно впился зубами в шею, оставив глубокий красный след. Затем медленно провел языком по отметине и прошептал двусмысленно:

— А так? Тоже согласен?

Спустя столько лет Инь Чэньюй уже не мог точно вспомнить, что чувствовал в тот момент.

Потрясение? Унижение? Отчаянную решимость?

Возможно, все сразу.

Но отчетливее всего в памяти отпечатался мрачный взгляд Сюэ Шу.

Резкие черты лица, узкие, раскосые глаза с угольно-черными зрачками — сама его внешность была воплощением агрессии. Но он носил алую мантию с узором питонов², и это придавало его облику еще больше загадочности и непредсказуемости. Словно ядовитая змея в пестром оперении, он, высунув раздвоенный язык, обращался к нему со своим леденящим душу предложением.

А у Инь Чэньюя не было выбора.

Пять лет заточения, неотомщенные враги, несмытое пятно позора... Он не хотел больше пассивно ждать. Оставалось лишь стиснуть зубы, перетерпеть унижение и рискнуть всем в последней отчаянной попытке.

Он ответил Сюэ Шу согласием.

Путь он выбрал сам. Последующие годы унижительной связи вызывали в нем гнев и горечь, но сожаления — никогда.

Ведь без Сюэ Шу не было бы того, кем он стал потом.

Но отсутствие сожалений не означало, что он добровольно позволял Сюэ Шу вертеть собой. Особенно теперь, в новой жизни, когда он владел инициативой, будучи несравненным наследным принцем. А Сюэ Шу больше не был всемогущим Цзю Цянь Суй, державшим в руках жизни и смерти.

По сравнению с тем надменным и властным Цзю Цянь Суй из прошлой жизни, этот молчаливый юноша в грубой одежде, стоявший перед ним на коленях, был куда приятнее глазу.

Лицо Инь Чэньюя просветлело, на губах появилась довольная улыбка.

— Имя?

— Сюэ Шу.

Даже стоя на коленях, Сюэ Шу держал спину прямо, без малейшего признака страха. Он неотрывно смотрел на человека, восседавшего перед ним. Пальцы рук, опущенных вдоль тела, слегка сжались, словно пытаясь что-то ухватить.

Инь Чэньюй не обратил на это внимания. Он был в превосходном настроении, и даже голос его прозвучал мягче обычного:

— Подойди. Дай мне взглянуть на тебя.

Услышав приказ, Сюэ Шу на коленях приблизился на несколько шагов и остановился всего в полшаге от принца.

Так близко, что он мог уловить аромат благовоний, исходивший от одежд Инь Чэньюя. Запах был лучше любого, что ему доводилось обонять прежде — подобный аромату цветущей под снегом сливы, чистый, холодный, но с едва уловимой сладостью.

«Так вот он какой».

Сюэ Шу поджал губы и жадно посмотрел на Инь Чэньюя. Небожитель с девятых небес вдруг оказался совсем рядом.

Его взгляд был прямым, беззастенчивым, почти дерзким. Инь Чэньюй ощутил укол раздражения — этот мальчишка посмел так на него смотреть! Он холодно усмехнулся, с силой поставил чашку на стол и, презрительно ткнув носком сапога Сюэ Шу в подбородок, свысока процедил:

— Хочешь служить мне?

Инь Чэньюй намеревался унижить его.

В прошлой жизни Сюэ Шу всячески помыкал им. Теперь же их роли переменялись, Сюэ Шу

оказался в его власти, и принц не мог отказать себе в удовольствии отплатить ему той же монетой, чтобы унять гнев, кипевший в душе.

Однако Сюэ Шу, услышав его слова, не выказал ни малейшего смущения или обиды.

Он резко вскинул голову, и в его черных волчьих глазах вспыхнул огонь. Голос его, полный страстного желания и радости, прозвучал тяжело, почти давяще:

— Хочу.

Это совершенно не соответствовало ожиданиям Инь Чэньюя.

Он на мгновение замер, а затем ощутил еще более сильную, непередаваемую досаду.

Этот Сюэ Шу был совершенно несносен! Следовало оставить его гнить в той грязной лачуге!

— Ты недостойн, — Инь Чэньюй наклонился и с крайним презрением похлопал его по щеке.

Но Сюэ Шу, казалось, не обратил на это внимания. Он сказал с непоколебимой серьезностью:

— Я стану достойным.

Он огляделся, словно ища подтверждения своим словам, и его взгляд остановился на начальнике стражи Чжао Лине, стоявшем рядом с обнаженным мечом. Сюэ Шу дерзко вскинул подбородок:

— Я сильнее его. Он не посмеет убивать людей, а я посмею.

Лицо Чжао Линя дернулось, но он не смог возразить.

Дело было не в том, посмеет ли он убить. Просто в Сюэ Шу чувствовалась какая-то врожденная, звериная жестокость, которой не было у других. Чжао Линь служил телохранителем наследного принца, и если бы Его Высочеству угрожала опасность, он бы без колебаний расправился с врагом. Но он никогда не поднял бы руку на невинного или слабого.

Однако он был уверен: если принц прикажет, Сюэ Шу убьет любого, не задумываясь.

Он был словно обнаженный клинок, в глазах которого не было ни добра, ни зла — только жажда убийства.

Таких людей Чжао Линь видел только в Восточном департаменте. Разве не так действовали их служащие? Получив приказ свыше, они безжалостно убивали даже младенцев в колыбелях.

У Чжао Линя запульсировало в висках. Он не понимал, почему Его Высочество, всегда такой милосердный и добродетельный, вдруг привел во дворец подобного человека.

Инь Чэньюй тихо рассмеялся, на этот раз не оспаривая слова Сюэ Шу.

Сюэ Шу действительно был острым и послушным клинком.

Но хоть принц и собирался использовать этот клинок, ему не хотелось видеть его слишком дерзким и самоуверенным. Поэтому он лениво подпер подбородок рукой, скользнул взглядом ниже его пояса, задержал на мгновение и небрежно бросил:

— Чтобы остаться рядом со мной, нужно пройти очищение³. Ты и на это согласен?

— Согласен, — Сюэ Шу удивленно взглянул на него, словно не понимая вопроса.

Инь Чэньюй запоздало сообразил: если бы он не приказал связать этого парня, тот, вероятно, уже прошел бы процедуру оскопления.

Глядя на бесстрастное лицо Сюэ Шу, он фыркнул.

«Интересно, кто из них потом пожалеет».

В прошлой жизни, когда Сюэ Шу доводил его до иступления, стоило Инь Чэньюю обозвать его «мертвым евнухом», как тот мстил с удвоенной силой. Видимо, лишь сейчас, по молодости и глупости, он не ценил того, что имел.

Не сумев вызвать в нем ожидаемого унижения, Инь Чэньюй потерял всякий интерес. Взгляд на Сюэ Шу снова стал вызывать раздражение. Он махнул рукой:

— Я позволяю. — И повернулся к Чжао Линю: — Отведи его и устрой пока.

Сюэ Шу еще раз взглянул на принца и только потом последовал за Чжао Линем.

Когда они ушли, Чжэн Добао подлил Инь Чэньюю горячего чая и осторожно спросил:

— Ваше Высочество, вы собираетесь оставить господина Сюэ в Восточном дворце?

— Оставить его здесь? Чтобы он мозолил мне глаза? — При одной мысли об этом Инь Чэньюй нахмурился, и в голосе его послышалось раздражение.

В прошлой жизни, когда его только вернули ко двору, Сюэ Шу тоже жил в Восточном дворце.

Будучи главным евнухом Департамента церемоний и одновременно главой Восточного департамента, он имел собственные резиденции как во дворце, так и за его пределами. Но он, не имея на то никаких прав, упорно селился в Восточном дворце, спал в одной опочивальне с принцем, ел за одним столом, повсюду следовал за ним.

Под благовидным предлогом служения наследному принцу он просто находил удобный случай, чтобы помучить его!

Воспоминания о тех беспутных днях вызвали у Инь Чэньюя такое отвращение, что ему захотелось немедленно отправить Сюэ Шу обратно в евнушеский дом.

Чжэн Добао заметил перемену в выражении лица принца. Хотя он и не догадывался о причине, но расспрашивать дальше не посмел и еще более осторожно проговорил:

— Тогда как поступить с господином Сюэ...

— Отправить его в Западный департамент, — не дослушав, решил Инь Чэньюй.

Гнев гневом, но он не хотел, чтобы личные чувства помешали важному делу.

Сюэ Шу был не только полезным оружием, но и союзником, которому можно было доверить спину. На этот раз Инь Чэньюй вмешался и спас его от унижительной процедуры оскопления, но он не хотел нарушать ход событий прошлой жизни.

Тогда Сюэ Шу сначала попал в Дворцовый надзор, затем перешел в Западный департамент и, благодаря своей жестокости, поднялся до поста начальника, полностью подчинив себе некогда могущественные Восточный департамент и Императорскую гвардию.

Нынешний начальник Восточного департамента, Гао Юань, и главный евнух Департамента церемоний, Гао Сянь, были родственниками. На словах они сохраняли верность императору и не вмешивались в борьбу между принцами, но на деле давно сговорились с его «любезным» вторым братом.

Что до командующего Императорской гвардией Гун Хунфэя, то он всегда был флюгером. Пока Инь Чэньюй был в силе, Гун Хунфэй всячески выказывал ему свое расположение; но стоило принцу попасть в опалу, как тот немедленно переметнулся на сторону второго принца.

Раньше Инь Чэньюй стремился быть почтительным сыном и никогда не пытался заручиться поддержкой людей из окружения императора. Теперь же, перебирая в уме возможные варианты, он понял, что у него нет ни одного надежного человека.

Оставалось уповать лишь на Сюэ Шу.

Он спас Сюэ Шу от унижения, сохранив ему мужское достоинство. Вполне естественно ожидать, что Сюэ Шу отплатит ему верной службой.

Подумав об этом, Инь Чэньюй добавил:

— Никто не должен знать, что он не был оскoплен. — Помолчав, он уточнил: — И лучше, чтобы никто не знал о его связи с Восточным дворцом.

Чжэн Добао задумался. Даже он, знавший наследного принца с детства, не мог понять истинного отношения Его Высочества к этому господину Сюэ.

Если принц ценил его, то зачем отправлять в Западный департамент? Хотя названия департаментов отличались всего одним иероглифом, всем было известно, что Западный департамент — лишь тень былого величия, место, где впустую тратят время. Но если не ценил, то зачем Его Высочество потратил полдня, подняв такой переполох ради одного человека?

Принц всегда был строг к себе и сдержан. Чжэн Добао никогда не видел его в таком смятении.

Поразмыслив, Чжэн Добао поклонился:

— Слушаюсь, — и отправился выполнять поручение.

Старый евнух отвел Сюэ Шу в Западный департамент.

Управление Западного департамента находилось у ворот Сиань, а Восточного — у ворот Дунань, так что они располагались строго друг напротив друга, на западе и востоке. Западный департамент был учрежден во времена императора Сяо-цзуна для уравновешивания влияния Восточного департамента и Императорской гвардии. В период своего расцвета он превосходил Восточный департамент по численности конной стражи вдвое, а его полномочия были шире, чем у Восточного департамента и Императорской гвардии вместе взятых. Агенты Западного департамента могли следить за словами и действиями подданных, арестовывать и пытаться подозреваемых, и даже заключать под стражу придворных без доклада императору.

Из-за столь огромной власти во времена Сяо-цзуна было сфабриковано немало ложных дел, что

вызвало народное недовольство. Поэтому император Лунфэн, взойдя на трон, намеренно ослабил влияние Западного департамента.

К настоящему времени Западный департамент давно утратил былое величие и лишь жалким образом существовал под гнетом Восточного.

Старый евнух провел Сюэ Шу во двор. Там несколько служащих в остроконечных шапках, коричневых одеждах и белых сапогах распивали вино. Увидев посетителей, они поспешно спрятали бутылки и подошли навстречу.

Начальник отряда узнал в старом евнухе слугу из Восточного дворца и на его лице появилось подобострастное выражение:

— Ваше появление, почтенный гунгун⁴, озарило нашу скромную обитель!

— Пустые слова, — старый евнух высокомерно вздернул подбородок. — Слышал я, в Западном департаменте не хватает людей. Наш господин приказал прислать вам человека. — Он указал на стоявшего рядом Сюэ Шу и коротко бросил: — Вот, передаю его вам. У меня еще дела, так что я пойду.

— Прошу вас, гунгун, не спешите. Я обязательно присмотрю за ним, — начальник отряда проводил евнуха до ворот, а затем вернулся и смерил Сюэ Шу взглядом с головы до ног. Он цокнул языком.

«Видно, крепкий орешек. Должно быть, провинился в Восточном дворце, вот и сослани в эту дыру».

Таких он видел немало. Поэтому не стал тратить силы, просто велел кому-то отвести новичка, выдать одежду и показать место для ночлега, а сам перестал обращать на него внимание.

«Все равно, кто долго просидит в этом болоте, сломается. Даже самый упрямый станет мягким, как воск. Делать ничего не нужно».

Сюэ Шу молча переделся в стандартную коричневую форму и белые сапоги, сел на свою койку и замер — делать было нечего.

Слушая доносившиеся со двора пьяные крики и звуки игры в кости, он думал об Инь Чэньюе, восседавшем в главном зале.

Тот был закутан в белоснежный лисий мех, но лицо его было еще белее меха, отчего глаза казались особенно темными, а губы — ярко-красными. Сидящий там, наверху, он походил на недосыгаемого небожителя.

В ноздрях снова возник чистый, холодный аромат зимней сливы.

Сюэ Шу растопырил пальцы и медленно сжал кулак, словно пытаясь удержать что-то неосязаемое. Губы, сжатые в прямую линию, изогнулись в едва заметной улыбке.

«Он не недостижимый небожитель. Расстояние между нами можно преодолеть одним касанием».

После праздника Лаба⁵ Инь Чэньюй проболел еще пять-шесть дней, прежде чем окончательно оправился от простуды.

Выздоровев, он, однако, не спешил, как раньше, помогать императору Лунфэну в государственных делах. Под предлогом необходимости дальнейшего восстановления он заперся во дворце Цыцин, не принимал чиновников и не занимался делами, лишь исправно посещал лекции в зале Хунжэнь, изображая послушного и скромного наследника, не смеющего перечить воле отца.

Но такое его поведение встревожило императора Лунфэна, и он прислал Гао Сяня в Восточный дворец проведать больного.

Визит был лишь предлогом, чтобы поторопить его вернуться к делам.

Проводив Гао Сяня, Инь Чэньюй с холодной усмешкой отставил чашку.

Его отец-император волею слепого случая занял драконий трон, не обладая ни настоящими талантами, ни знаниями. Способностей у него было мало, зато он любил развлечения. При этом, помня о событиях времен императора Сяо-цзуна, он был крайне подозрителен и постоянно боялся, что кто-то покушается на его трон.

С одной стороны, он полагался на наследного принца и Кабинет министров, перекладывая на них как можно больше государственных забот. С другой — опасался их. Боялся, что сын-наследник не сможет дождаться его смерти. Прибегая к избитым и неуклюжим интригам, он поддерживал второго принца, настраивая его против Инь Чэньюя.

Раньше, помня о сыновнем долге, Инь Чэньюй закрывал глаза на эти уловки.

Теперь же он исполнил желание отца и отошел от дел, но император Лунфэн снова был недоволен.

Он болел больше полумесяца, и за все это время отец ни разу не прислал никого справиться о

его здоровье. А теперь, когда некому стало работать, зачастил с напоминаниями.

Но Инь Чэньюй решил не потакать ему.

В прошлой жизни он слишком хорошо думал о людях. Он верил, что его честность и прямота защитят его даже на вершине власти, не боялся интриг и заговоров. Но он не знал, насколько грязными могут быть тайные козни и насколько черствым — сердце императора.

Раз так, то в этой жизни он не будет играть по их правилам.

Пусть кто хочет, тот и карабкается наверх. Он — пас.

Инь Чэньюй допил чай, успокоился и отправился во дворец Куньнин засвидетельствовать почтение императрице Юй.

Это был его первый визит во дворец Куньнин после перерождения.

Повзрослев, он, чтобы избежать подозрений, старался реже бывать в женских покоях, навещая мать лишь первого и пятнадцатого числа каждого месяца. В середине прошлого месяца он простудился, а поскольку матушка была беременна, он боялся заразить ее и больше не приходил. Получалось, что они не виделись почти месяц.

Подойдя к воротам дворца Куньнин, Инь Чэньюй на мгновение остановился, чтобы унять волнение, и только потом вошел внутрь.

Услышав о его приходе, императрица Юй вышла навстречу, поддерживаемая придворной дамой.

Она была на седьмом месяце беременности, двигалась немного неуклюже, но каждое ее движение было исполнено изящества и достоинства. Увидев сына, пришедшего сквозь метель, она отстранила служанку, достала платок и бережно стряхнула снежинки с его волос, а затем велела подать имбирный чай.

— Ты только выздоровел, зачем пришел в такую погоду? — в голосе ее слышался упрек, но глаза светились радостью.

— Соскучился по матушке, вот и пришел навестить, — Инь Чэньюй сам помог ей сесть и заботливо подложил мягкую подушку под спину. — Императорский врач приходил вовремя? Что говорит?

— Говорит, все хорошо, — императрица Юй с нежностью погладила округлившийся живот. — После Нового года, думаю, родится тебе братик или сестричка.

— Мне на днях снилось, что будет брат, — с теплой улыбкой ответил Инь Чэньюй, но, опустив глаза, скрыл промелькнувшую в них тень.

Действительно, будет брат.

В прошлой жизни, когда семью Юй постигла беда, его лишили титула наследного принца. Матушка, узнав об этом, от потрясения родила раньше срока.

В тот момент, когда семья Юй и он сам переживали страшные потрясения, во дворце Куньнин царил смута, и кто-то воспользовался этим, чтобы вмешаться в роды. У императрицы началось сильное кровотечение, и можно было спасти лишь одного — мать или дитя. Она пожертвовала собой ради ребенка, подменила новорожденного мертворожденным младенцем и велела верной няне тайно вынести сына из дворца и вырастить его.

Обо всем этом Инь Чэньюй узнал лишь после освобождения из заточения, когда вернулся ко двору и разыскал ту няню вместе с Инь Чэньяо.

Он не мог даже представить, какое отчаяние охватило его мать, оставшуюся в одиночестве во дворце, перед лицом смерти, без всякой помощи и поддержки.

Даже потом, когда он нашел виновных и приказал заживо содрать кожу с наложницы Вэнь перед дворцом Куньнин, это не могло искупить страданий его матери.

Но теперь, получив второй шанс, он никому не позволит причинить им вред.

— Матушка, берегите себя. Когда родится брат, я сам буду учить его читать и писать.

Спрятав темные чувства, бурлившие в душе, Инь Чэньюй улыбнулся своей обычной светлой и ясной улыбкой безупречного наследного принца.

Императрица Юй взглянула на него:

— Пока рано об этом говорить...

Не успела она договорить, как в покои вбежала встревоженная дворцовая служанка:

— Ваше Величество, беда! Лиса-оборотень... она снова напала на людей!

Примечания:

¹ Цзунцзы — традиционное китайское блюдо из клейкого риса с начинкой, завернутое в бамбуковые или тростниковые листья. Имеет характерную пирамидальную или продолговатую форму. Сравнение с цзунцзы подчеркивает, что Сюэ Шу был очень туго связан.

² Мантия с узором питонов (蟒) — одежда высокопоставленных чиновников и знати в имперском Китае. Узор в виде питона (ман) символизировал высокий статус, но был рангом ниже дракона (лун), который носил только император. Алый цвет мантии указывал на высокий ранг.

³ Очищение (淨) — эвфемизм для кастрации, обязательной процедуры для служения евнухом при императорском дворе.

⁴ Гунгун (公公) — уважительное обращение к евнуху.

⁵ Праздник Лаба (臘八) — традиционный китайский праздник, отмечаемый в восьмой день двенадцатого лунного месяца. В этот день принято есть особую кашу лабачжоу.

<http://bllate.org/book/13382/1190721>